

Чи Ин крутил в руках небольшое бронзовое зеркало. Позади весело журчал прохладный горный ручей, шелестел ласковый весенний ветерок — всё вокруг располагало к традиционной забаве с чашами у извилистой воды. Этот день мог бы стать на редкость приятным и умиротворяющим, если бы не стоявшая впереди орава придворных книжников. Их бесконечный, нудный гомон начисто портил всё удовольствие.

Несладко всё-таки быть императором. Сначала изволь скакать верхом и соревноваться в меткости с заносчивой военной знатью, а стоит присесть перевести дух — изволь упражняться в высоком слоге с занудными чиновниками.

Благодаря лосю, которого прислала Шэнь Хуай, Его Величество без труда взял первенство в осенней охоте. Но едва отгремели дежурные поздравления придворных, как пришло время полуденных возлияний и пафосного стихосложения.

Хотя Чи Ин сидел поодаль, лениво откинувшись на перила беседки, он отчётливо улавливал заискивающие нотки, за которыми эти люди тщетно пытались скрыть снисходительное пренебрежение. Разумеется, открыто выказывать его никто не смел — сан монарха внушал им слишком сильный трепет.

Впрочем, со своей задачей на охоте юноша уже справился. К поэтическому состязанию он относился как к пустой формальности: какая разница, кто победит, если на его положении это никак не скажется?

Среди чиновников выделялся Небесный наставник Фэн Цзиньчэнь. Облачённый в неизменное фиолетовое одеяние, серебрясь копной длинных волос, он двигался с такой завораживающей грацией, что танцовщицы едва не путали па, засматриваясь на него.

— Ваше Величество, — Фэн Цзиньчэнь отвесил изящный поклон.

«Это что, голос Небесного наставника? — Шэнь Ван, судя по всему, торчал на физкультуре: сквозь ментальную связь доносился далёкий свист физрука. — С чего бы ему тут объявляться? Раньше он подобные сборища за версту обходил».

— И Небесный наставник решил присоединиться к веселью? — тут же поинтересовался Чи Ин, обращаясь к гостю.

Тот опёрся на посох и ответил с лукавой почтительностью:

— Прошлой ночью ваш покорный слуга созерцал звёздное небо и выяснил, что сегодня на редкость благодатный день. Звёзды сулили, что Ваше Величество явит миру небывалое величие, потому я и поспешил сюда, дабы лично засвидетельствовать сей триумф.

«Умеет же завернуть. Обычное желание поглазеть на чужую драму преподнёс как великое

откровение звёзд».

Внезапно раздался звонкий женский голос, прозвучавший резким диссонансом в засилье мужского баритона:

— То есть, по мнению Небесного наставника, в любой другой день Его Величество не способен явить своё величие?

В Орхидеевую беседку уверенным шагом вошла Шэнь Хуай. пышные утренние одежды сменились лёгким пластинчатым доспехом, на поясе покачивался длинный меч, а начищенный металл так ярко слепил на солнце, что её хрупкий силуэт казался вылитым из чистой стали.

— Генерал Чжэньюань? Какая встреча, — неспешно улыбнулся Фэн Цзиньчэнь. — Неужто вы решили вновь сменить мирный плуг на боевой доспех?

Шэнь Хуай небрежно отмахнулась:

— Полно вам, у меня и в мыслях такого не было. Я явилась сюда лишь с одной целью — повидаться с Его Величеством.

— Ах, верно. Прошу простить мою дерзость, я вечно забываю, что грозный генерал Чжэньюань приходится нашему монарху третьей сестрой, — мягко сощурился звездочёт. — Орхидеевая беседка прекрасна, не находите? Полагаю, вам здесь понравится.

С этими словами он перевёл взгляд на Чи Ина.

Чи Ин невольно замешкался. В его ушах всё ещё звенел бодрый счёт физрука из далёкого будущего: «Раз-два-три-четыре, пять-шесть-семь-восемь!» С тех пор как они поменялись телами, ментальная связь между ними практически не прерывалась. Пожалуй, даже влюблённые на пике страсти не созванивались так часто.

— К слову, — продолжал вещать Фэн Цзиньчэнь, — я впервые вижу Ваше Величество на поэтическом турнире. Какая редкость.

«Постойте, разве Шэнь Ван не говорил, что отродясь не совался в эти поэтические дебри?»

— Какое изысканное вино, — Фэн Цзиньчэнь изящным движением закинул выбившиеся пряди за спину и принялся к тонкому аромату из своего кубка. — Раз уж нам посчастливилось собраться в столь живописном месте, не соизволит ли Ваше Величество... сразиться со мной в стихосложении?

Шумная беседка мгновенно стихла. Смех и звон посуды оборвались, точно по щелчку.

Командир Сюань Хэ незаметно сжал рукоять меча, искоса поглядывая на господина. Ситуация складывалась скверная: Небесный наставник не подчинялся законам двора, да и его сакральный статус исключал любые прямые наказания. Если этот наглец вздумает публично унижить правителя, отыгаться законным путём будет крайне сложно.

Остальные придворные, доселе лишь тихо перешёптывавшиеся по углам, затаили дыхание. Небесный наставник Фэн явно объелся белены, раз решился на такую дерзость! Всем не терпелось поглядеть, как грозный владыка выкрутится из щекотливого положения.

Чи Ин оказался под прицелом десятков выжидающих взглядов. Шэнь Хуай растерянно замерла. Повинуясь многолетнему сестринскому инстинкту, она порывисто шагнула вперёд, желая заслонить младшего брата от нападков, но тут же наткнулась на крутой уступ каменной платформы.

Вглядевшись в бесстрастное, холодное лицо на троне, принцесса медленно опустила ногу. До неё наконец дошло: перед ней сидел вовсе не тот слабосильный мальчишка, который когда-то бледнел при виде забиваемой птицы. Тот Восьмой принц, чьё выживание при дворе все считали не иначе как чудом небесным, остался в далёком прошлом.

Они расстались, едва им исполнилось по пятнадцать лет. Спустя два года разлуки Шэнь Хуай с трудом узнавала брата. Когда до неё дошли слухи, что слабого царевича бросили на растерзание в Терем Ночного Дозора — гнездо безжалостных убийц, — она места себе не находила от тревоги. Связанная по рукам и ногам бесконечной приграничной кампанией, она могла лишь бессильно молиться. А когда наконец выкроила момент, чтобы тайком пробраться в столицу, её ошеломила весть: император изменил волю и провозгласил Восьмого принца наследником престола.

Шэнь Хуай понятия не имела, через какой ад пришлось пройти её брату, чтобы из самого бесперспективного бастарда превратиться в самодержца, предводителя великой империи. От прежней робкой нерешительности не осталось и следа.

Но прямо сейчас... её царственный брат вдруг одарил Небесного наставника едва заметной ухмылкой. Взгляд его оставался холодным и непроницаемым, но в глубине глаз промелькнуло лукавство — верный признак того, что император задумал какую-то каверзу.

— Небесный наставник Фэн, — негромко произнёс Чи Ин, — вам знакомо имя Ван Сичжи?

Фэн Цзиньчэнь сделал неспешный глоток:

— И кто же это? Впервые слышу.

— Да, вы едва ли могли пересечься. Вчера ночью он явился мне во сне и милостиво надиктовал превосходное предисловие.

Фэн Цзиньчэнь поперхнулся вином и едва удержал кашель.

— Раз уж мы заговорили об Орхидеевой беседке... — Чи Ин поудобнее устроился на троне и, подражая вельможам, пригубил местный алкоголь. Крепкое пойло обожгло горло, заставив его мысленно поморщиться.

«И как они только пьют эту гадость?»

Придворные затаили дыхание. Напряжение в воздухе сделалось почти осязаемым, когда император наконец нарушил молчание.

— Окружают сию обитель выси горные да кручи отвесные, леса тенистые да заросли бамбука зелёного. Струятся окрест потоки чистые, бурлят ключи прозрачные, огибая беседку со всех сторон. Позволим же чашам плыть по извивам водным, рассевшись чинно друг за другом. И пусть нет здесь пышного согласия труб да циней, но чарка хмельного да искренний стих с лихвой заменят музыку, дабы излить нам сокровенные думы.

Пальцы Фэн Цзиньчэня дрогнули, и несколько рубиновых капель плеснули на его фиолетовый рукав.

— Ныне день ясен и лазурью светел, веет кроткий, благодатный зефир. Возводя взор к небесам, созерцаем мы беспредельное величие космоса; склоняя очи долу — дивимся неисчислимому богатству земного лона.

Чи Ин без сучка и задоринки вещал с высоты своего трона. Ощущения были точь-в-точь как на уроке литературы, когда тебя вызывают к доске декламировать наизусть классиков перед всем классом. Он читал ровно, размеренно, вплоть до финального «и те, кто придут после нас, также найдут в сих строках отзвук своих сердец». На протяжении нескольких минут в саду не раздавалось ни звука — никто не смел перебить монарха.

— Восхитительно, — нарушил тишину Фэн Цзиньчэнь. Смелости звездчёту было не занимать, и он первым захлопал в ладоши. — Какое глубокое, изящное словесное полотно! Вернувшись в обитель, я непременно велю каллиграфам записать его золотом на шёлке. Поистине, наш государь одарён равно как в ратных делах, так и в высоком искусстве. Bravo, Ваше Величество!

«Ещё бы оно не было превосходным, — иронично рассудил Чи Ин. — Посредственность в школьные учебники не включают».

Опасаясь, что настырный Небесный наставник прилюдно попросит его собственноручно начертать свиток да ещё и скрепить императорской печатью, Чи Ин поспешил сделать знак музыкантам. Беседку вновь наполнили звуки лютен и шорох шёлковых одежд танцовщиц, что помогло разрядить обстановку и замаять неловкую тему.

Из рассказов гвардейца Сюань Хэ следовало, что Шэнь Ван с детства питал к наукам искреннее отвращение. Чтобы не выдать себя и не присваивать лавры великого каллиграфа, Чи Ин предусмотрительно сослался на «сон». Благо, недавнее видение с «Ложным солнцем» заставило придворных верить в его пророческие сновидения беспрекословно.

Очередное препятствие пройдено, а значит, час возвращения домой стал чуть ближе. Чи Ин слегка расслабился и перевёл взгляд на принцессу Шэнь Хуай. Сестра смотрела на него с таким ошеломлением, словно своими глазами увидела, как тщедушный книжник уложил голыми руками свирепого тигра.

— Откуда в тебе этот слог?.. — потрясённо прошептала она.

Чи Ин небрежно очистил от шелухи арахис и закинул его в рот:

— Я же говорю: не моя заслуга. Приснилось.

— Неужели такое возможно? — Шэнь Хуай, казалось, усомнилась в законах мироздания. — Когда мои боевые техники заходят в тупик, мне почему-то ни разу не снилось, под каким углом нужно наносить удар.

Чи Ин на мгновение отвёл взгляд, погрузившись в собственные мысли.

«Потому что в моих снах шумят автострады и мчатся поезда, а вовсе не высятся резные пагоды да императорские дворцы...»

По зеркальной глади далёкого пруда медленно скользил прогулочный челн, откуда доносились чарующие, щемящие душу переливы пипы. Импровизированный триумф императора явно вскружил придворным головы. Алкоголь и потрясение развязали им языки — шёпот становился громче, и из толпы захмелевших чиновников уже доносились нетерпеливые выкрики с мольбами явить ещё одно чудо и сложить новое творение.

Складывалось впечатление, будто они вознамерились вытрясти из него всю школьную программу по литературе до последнего иероглифа. Даже Шэнь Хуай смотрела на брата с нескрываемым любопытством и надеждой.

«Ладно, — мысленно вздохнул Чи Ин. — В конце концов, она его сестра. Пусть это будет моим ответным подарком за её заботу».

Он незаметно достал из складок рукава зеркало и активировал ментальный канал связи:

«Шэнь Ван, у тебя учебник по литературе с собой?»

«А? Какой ещё учебник? Я вообще-то на физкультуре!» — отозвался тот.

«Знаю. Можешь прямо сейчас достать книгу?»

«Зачем она тебе?»

«Твоя сестра жаждет новых поэтических шедевров».

У Шэнь Вана на другом конце провода нервно дёрнулся глаз. С таким лицом двоечники обычно слушают объявление о внезапной контрольной работе.

«Жди. Сбегаю в корпус, заберу из класса».

«Поспеши, у меня тут аншлаг».

Не прошло и трёх секунд, как в сознании Чи Ина раздался вкрадчивый, нарочито вежливый голос Шэнь Вана, обращавшегося к кому-то в реальном мире:

— Привет. Слушай, не одолжишь учебник по литературе на пару минут?

Самодержец явно не привык любезничать с простолюдинами, отчего его тон прозвучал на редкость натянуто и топорно. Впрочем, школьница, к которой он обратился, от самого факта внимания со стороны Школьного красавчика мгновенно лишилась дара речи. Опомившись, она отчаянно заикаясь выпалила:

— А... да! Конечно! Держи, забирай!

Выхватив книгу и даже не взглянув на залившуюся пунцовой краской девчонку, Шэнь Ван мысленно обратился к сообщнику:

«Забрал. Дальше что?»

Шэнь Ван ляпнул это вслух, и бедняжка приняла вопрос на свой счёт. Глаза её взволнованно заблестели:

— Тебе ещё решебник нужен? Или методичку принести? Я мигом сбегаю на третий этаж, мне не трудно!

— Нет необходимости. Спасибо, я скоро верну, — сухо бросил новоявленный школьник.

Развернувшись, он зашагал прочь, оставив за спиной тяжело вздыхающую у разбитых надежд поклонницу.

Чи Ин покачал головой, поражаясь феноменальной приспособляемости грозного владыки к школьным будням:

«Уйди куда-нибудь подальше от посторонних глаз. Не дай бог одноклассники увидят тебя с книгой и решат, будто наш главный лоботряс взялся за ум».

Шэнь Ван дошёл до дальнего угла стадиона и примостился на бетонных ступенях в тени раскидистых кустов:

«Скрылся с радаров. Излагай».

«Найди в оглавлении «Песнь о пипе», — проинструктировал Чи Ин. — Я помню её структуру, но дословно наизусть не воспроизведу. Давай так: ты зачитываешь мне строчку, делаешь небольшую паузу, я повторяю её вслух для своих гостей, а затем ты диктуешь следующую».

В тот знаменательный день на осенней императорской охоте случилось нечто из ряда вон выходящее. Первое же появление молодого монарха на поэтическом турнире раз и навсегда стёрло позорное клеймо необразованности, которое тайком вешали на него придворные. Высокий слог лился из его уст подобно бурному, прозрачному речному потоку, повергнув в благоговейный трепет всю столичную знать.

На фоне бескрайних озёрных далей и туманных холмов, укрывшись под сводами Орхидеевой беседки, семнадцатилетний правитель Государства Ху стоял, небрежно заложив руки за спину. В его позе не было ни капли бахвальства — лишь царственное величие и ледяное спокойствие. Каждое слово ложилось в узор безупречной декламации.

— Струна потолще рокотала шумно, как ливень летний; струна потоньше лепетала нежно, как тихий шёпот. Рокот и шёпот сливались в согласии дивном — то крупные жемчужины, то мелкий бисер сыпались дождём на нефритовое блюдо...

В ином измерении, за тысячи лет от Ланьтин, Шэнь Ван неуклюже листал школьный учебник. Стараясь не сбиться, он тщательно дозировал паузы, суфлируя соучастнику строфу за строфой. Благодаря их идеальному ментальному тандему сложнейшая классическая баллада прозвучала без единой запинки.

Дочитав последнюю строчку, император с облегчением выдохнул и негромко усмехнулся:

«Клянусь, я этот текст впервые в жизни вижу. Считаю, с листа тебе читал, половину

иероглифов угадывая на ходу. И ведь ни разу не оговорился! Кажется, ты мне кое-что задолжал за труды».

Чи Ин поправил съехавшую набок тяжёлую корону:

«Какая самоотверженность. Премного благодарен Вашему Величеству за величайшую милость».

«Считай это моим ответным даром: я только что спас твою репутацию в глазах придворных чистоплюев. Думаю, это вполне равноценная плата за чтение вслух, не находишь?»

«... Твоя правда. Более чем достаточно», — хмыкнул Шэнь Ван.

Разумеется, новость о том, что государь за одну ночь обрёл познания, коими не побрезговал бы и столичный академик на высших экзаменах, мгновенно обросла немислимыми слухами. Сам же виновник торжества выдал объяснение, граничащее с мистикой.

— Накануне ночью во сне мне явились два мудреца, — невозмутимо вещал Чи Ин любопытствующим вельможам. — Один назвался Ван Сичжи, другой — Бай Цзюи. Они милостиво зачитали мне свои труды, а я лишь в точности воспроизвёл услышанное.

Императорский указ поднял на ноги всех книголюбцев столицы. Они перерыли государственные архивы, прошерстили древние манускрипты и даже простонародные свитки, но ни малейшего упоминания об этих двух гениях так и не отыскали. Кое-кто упорно списывал всё на избыточную скромность монарха, однако, когда придворные каллиграфы вознамерились увековечить имя правителя на титульных листах, тот пресёк их рвение ледяным тоном.

— И не вздумайте приписывать авторство мне. Было чётко сказано: не мои стихи. Напишите на свитках имена истинных творцов — Ван Сичжи и Бай Цзюи.

Придворным писцам ничего не оставалось, кроме как подчиниться непреклонной воле государя. Дрожащими руками они вывели на драгоценной бумаге чужеродные имена великих мужей, никогда не существовавших в летописях династии Ху.

Записанные баллады мгновенно разошлись по рукам восхищённых вельмож. И лишь Небесный наставник, в чьих пальцах свиток задержался чуть дольше обычного, опустил глаза на безупречную вязь и иронично хмыкнул:

— Надо же, в одном месте иероглиф перепутали.

Впрочем, указывать на ошибку Фэн Цзиньчэнь не стал, да и Чи Ину было глубоко плевать на подобные мелочи.

У юноши сейчас голова была забита совершенно иными вещами.

Уже завтра в Одиннадцатой средней школе Цзяньяна начинались ежемесячные экзамены.

<http://bllate.org/book/19001/1871573>